

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Этнокультурное разнообразие современного мира, происходящие в сферах политики, бизнеса и международных отношений нарастающие изменения делают остро актуальными вопросы межкультурных взаимодействий и позволяют сформулировать суть проблемы: ведёт ли мировое культурное развитие к противостоянию и конфликту или остаётся возможность взаимопонимания и выработки некоторых новых стандартов мышления. Что нас ожидает: противостояние и антагонистическая поляризация или взаимная адаптация и консолидация? [1, с. 16]. Прежде всего, надо принять во внимание, что культура – это целостная система и в историческом и географическом пространстве сосуществовали и сосуществуют удивительно разнообразные и неповторимые миры культур, которые и придают уникальность культурному облику народов, стран и континентов.

И всё же проблема культурных взаимодействий требует погружения в культурные рефлексии повседневной жизни. Конфликт или консолидация культур – это различные формы взаимоотношения людей, изменение общественных симпатий и настроений, в том числе и под воздействием СМИ и многочисленных ток-шоу. Взаимодействие с другими культурами выступает в этом случае не только как некоторая необходимость, побочное, так сказать, свойство, а как основание для самовоспроизводства культуры. Внесём некоторые предварительные замечания. Первое, взаимодействие многообразно и изучено в культурной антропологии: диффузия, окультуривание, подчинение, заимствования и т. д. Необходимо также учитывать взаимодействие в форме политического, экономического и военного насилия и принуждения. Второе, среди современных проблем взаимодействия культур остаются такие, как противостояние Востока и Запада, развитых стран (использующих науку) и развивающихся. И в то же время сегодняшнее положение дел существенно меняет ситуацию: целый ряд стран (Япония, Южная Корея, Китай, Индия) реализовали возможность трансплантации науки и наукоёмкого производства в

инокультурную среду. В то же время глубокие этнокультурные различия сохраняются, что и делает проблему взаимодействия и возможного столкновения культур чрезвычайно острой

Дискурс о культурных взаимодействиях не может элиминировать теорию коммуникации. Теория переговоров и концепция «сохранения лица» Стеллы Тинг-Туми проливают свет на ряд вопросов. Через коммуникацию культура усваивается, модифицируется и передаётся от поколения к поколению. Культура оказывает влияние на коммуникацию, а коммуникация – на культуру. Культура, как «внебиологически выработанная система значений», поддерживает чувство общности среди членов группы, представляя собой сложное образование, состоящее из поведенческих стереотипов, традиций, верований, ценностей, норм, символов, которые разделяются в разной степени взаимодействующими членами сообщества. Люди с независимым типом личности в условиях опасности «потерять лицо» склонны использовать оборонительные и конфликтные стратегии [7, p. 218]. Надо подчеркнуть, что в этой концепции приоритеты отдаются внутренней коммуникации. Однако, при всей её важности она не затрагивает целый ряд проблем современной культурологии, среди них важнейшие – проективные, прогностические, ограничивает проблему взаимодействия вопросами культурных контактов.

Что касается вопроса о «внебиологически выработанной системе значений», действительно важнейшего для понимания культуры, то он должен найти применение в самой практике культурологического исследования, конституировать проблемное пространство культурологии. В поисках ответа на поставленные вопросы обратимся к концепции культуры М. С. Кагана, которую отличает системный подход, методологически фундируемый целым рядом философских категорий, среди которых выделяется категория «бытия» [3, с.36-54]. Бытийственность культуры характеризует её как одну из форм бытия, наряду с природой, обществом и человеком. Системность культуры позволяет объединить воедино все три сферы и вписать за счёт этого систему культуры в систему бытия. Именно в системе культуры человек обретает то, что не дано ему

от природы, что требует обучения, окультуривания, культура предстаёт перед человеком во всём многообразии своего предметного бытия. И, конечно же, Каган не забывает о коммуникационной функции культуры, характеризуя общение как способ трансляции культуры. А. С. Кармин справедливо считает, что Каган «в своём понимании культуры исходит из понятия человеческой деятельности и относит к культуре всё, что производно от неё» [4, с.466]. В этом контексте речь может идти об историческом (прогрессирующем) развитии культуры. Но Каган не оставляет места ни провиденциализму, ни панлогизму. В историческом движении культур действуют законы синергетики, которые позволяют рассматривать культурно-историческое развитие как саморазвитие.

Многое поясняет осуществлённый М. С. Каганом антропологический поворот в понимании культуры, понимание её человекосоразмерности: «развёрнутость вовнутрь» (стремление выразить особенности своего типа человека) и «развёрнутость вовне» (открытость всем другим человеческим группам). Но не в статике культуры, а в динамике, в способах её воспроизводства и возобновления, что и характеризует жизнь культуры как живое взаимодействие множества субкультур [3, с.116]. Выделим три позиции в концепции Кагана. Первое, человек центрирует отношения природы и общества. Отличаясь внебиологическими механизмами передачи социального опыта, человек, тем не менее, не отрывается от природы и культура дополняет, делает возможным взаимодействия человека с природой. Основные культурные взаимодействия происходят между человеком и природой. Благодаря культуре человек обладает удивительной способностью связать биологическую, социальную и культурную ипостаси. Он одновременно вовлекается в процессы социализации и аккультурации. Происходит постоянный культуругенез, человек распрямечивает и опредмечивает мир культуры, являясь «прямым культуругенным субъектом» [3, с. 112].

Второе, Каган подчёркивает роль разума, выделяющего человека из мира природы, но не противопоставляющего его ей. Сознательные действия, «мера сознательности», общественная организация – «это не столько продукт деятельности людей, сколько форма объективации самой этой деятельности» [3,

с.97-98]. Искусство, наука, религия – всё это подсистемы, раскрывающие способности человека. Взаимодействие подсистем культуры выражается во взаимном опосредовании материальной духовной и художественной деятельности [3,с.129]. Целостность культуры обеспечивается взаимодействием подсистем. Человеческая деятельность, «взятая в целом, в полноте своих видов и форм порождает культуру... и делает человека из биологического существа существом культурным» [3, 152].

Третье, свобода выступает как исторический выбор, как «универсальный принцип деятельности» и «внутренняя основа культуры» [3,с.176]. Подчёркивая значение духовного фактора в человеческой жизни Каган рассматривает творчество и саморазвитие как внутренние детерминирующие факторы, за человеком остаётся «свобода непрерывного изменения своей поведенческой программы ради её совершенствования», с чем и связана эволюция материальной культуры. [3, с.321]. Происходят изменения внутренней структуры культуры, взаимодействия и иерархия слоёв и субкультур в разные эпохи. Но цель – остаётся та же – потребность общества в жизнеобеспечении, реализации которой и служит культура.

При таком подходе основная роль отводится взаимодействию культур (внутреннему и внешнему) – понимаемому гораздо шире, чем коммуникация – как самоопределению и свободе в выборе аттрактора. Понимание культуры как развивающейся и прогрессирующей системы уместно было бы сравнить с исследованиями в области культурной антропологии. Э. С. Маркарян, обосновывая адаптационную роль культуры, нередко обращался к работам Лесли Уайта [5, с.174-176]. Уайта интересует увеличение количества преобразований, обеспечиваемых культурой, при данном количестве энергии. Он характеризует эволюцию культуры как «захватывающую историю приключений и прогресса» [6, с.417]. Однако, вот и различия: «Герой нашей пьесы – пишет Уайт – это технология. Существует мир скал и рек, палок и стали, мир солнца, воздуха и звёздного света, мир галактик, атомов и молекул. Человек – это не более чем своего рода материальное тело, которое должно совершать определённые

действия для поддержания своего положения в космической материальной системе» [6, с.418]. Такая позиция, конечно, не совместима со взглядами М. С. Кагана. Культурология, опирающаяся на философию, проводит анализ противоречивого процесса, в котором культура – это мощный механизм антропологического воздействия, способ адаптации индивида к культурным потребностям общества и индивидуальной реализации накопленного национального и общечеловеческого опыта. В этом случае культура рассматривается изнутри, как самозначущее образование, и мерой её развития выступает человек.

Актуализируется вопрос о «человекоразмерности» культуры и внутренних законах её развития, об особой роли культурологии в социогуманитарном знании, связанной с формированием пространства и горизонта поиска, учитывающего многообразную культурную конкретику. Здесь мы обращаемся к идеям А.С. Запесоцкого и Ю. М. Шора о культурологической значимости конкретного гуманитарного творчества как «горизонте поиска», «направления исследования», о «человекоразмерном характере» гуманитарного знания (соизмеримости его с человеческим бытием) [2, с.57]. Авторы ссылаются на Д. С. Лихачёва: «Культура никогда не была для Д. С. Лихачёва результатом абстрактного обобщения, механической суммой сведений, имён, фактов – он сразу видел её как некую целостность, как сущностное ядро обнаружения человеческого начала в мире, включающее в себя всё многообразие форм такого обнаружения» [2, с.60]. Культура – это общее пространство самореализации человечества, аномии в развитии одной или нескольких культур деформируют весь культурный космос взаимодействия человека с природой и себе подобными.

Взаимодействие, рассматриваемое как фактор социальной и исторической динамики, не только объясняет многообразие культур, но и позволяет восстановить контекстуальность культурных коммуникаций, что даёт «шанс» на взаимопонимание. Культурологическая позиция М. С. Кагана сохраняет антропологический пафос исследования и показывает продуктивность обращения к философии культуры. «Человекоразмерность» выступает как категория и

императив взаимодействия культур и культурного развития, лежащего в основании современного мира. Культура находится в точке пересечения индивидуального «Я» и коллективного «Мы». Культурологический поиск в данном направлении демонстрирует культурологию как науку, не порывающую с философией культуры, отыскивающую основания общечеловеческого взаимодействия, и позволяет обосновать преимущества культурологии в пространстве междисциплинарного научного дискурса.

Литература:

1. *Дахин В. А., Хельфрих Х.* Введение / В. А. Дахин, Х. Хельфрих // Влияние культур на взаимоотношения людей: конфликт или шанс? – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2008. – с. 16-21.
2. *Запесоцкий А. С., Шор Ю. М.* Предмет культурологии как теоретическая проблема /А.С. Запесоцкий, Ю. М. Шор // Инновационный потенциал культурологии и её функции в системе гуманитарного знания. СПб.: РХГА. 2008. – с. 53-63.
3. *Каган М. С.* Философия культуры/М. С. Каган – СПб.:«Петрополис»,1996, 415 с.
4. *Кармин А. С.* Основы культурологии. Морфология культуры / А. С. Кармин – СПб.: «Лань», 1997, 507 с.
5. *Маркарян Э. С.* Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян – М.-СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2014, 655 с.
6. *Уайт Л.* Избранное: наука о культуре/ Л. Уайт – М.: РОССПЭН, 2004, 959 с.
7. *Ting-Toomey S.* Translating Conflict Face-Negotiation Theory Into Practice // Handbook of intercultural training/ed. by D.Landis, J.M. Bennett, M.J.Bennett. USA, Sage, 2004. pp. 217-248.